

УДК 94
ББК 63.3

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА В РОССИИ XVII ВЕКА

О.В. Новохатко

Аннотация. *Впервые в отечественной и зарубежной историографии исследована частная корреспонденция в России XVII века как историческое, социокультурное, экономическое явление. Также впервые проведен сравнительно-исторический анализ публикаций и историографии частной переписки XVII века в русской и зарубежной (главным образом, англоязычной) исторической науке. Проанализированы основные характеристики личной корреспонденции в России XVII века: социальный состав корреспондентов, география переписки, способы пересылки писем представителями всех общественных слоев того времени, скорость движения корреспонденции и ее интенсивность. Выявлены функции личной переписки в русском обществе Раннего Нового времени — коммуникативная, информационная, служебная в самом широком понимании этого термина, включающего как частную, так и частно-государственную сферы. Полученные данные позволили точнее оценить психосоциальные характеристики русского общества, статус отдельных страт в социальной иерархии, степень интенсивности внутригосударственных связей и горизонтальных интегративных тенденций в России Раннего Нового времени.*

Ключевые слова: *коммуникации, информация, управление, общество, вотчина, семья, грамотность, делопроизводство, экономика.*

317

PRIVATE CORRESPONDENCE IN THE XVII CENTURY RUSSIA

O.V. Novokhatko

Abstract. *For the first time in domestic and foreign historiography the private correspondence in Russia of the XVII century is investigated as historical, socio — cultural, economic phenomenon. Also for the first time the comparative-historical analysis of publications and historiography of private correspondence of the XVII century in Russian and foreign (mainly English) historical science is carried out. The main characteristics of personal correspondence in Russia of the XVII century are analyzed: the social composition of correspondents, the geography of correspondence, ways of sending letters by representatives of all social strata of the time, the speed of correspondence and its intensity. The functions of personal correspondence in the Russian society*

of Early Modern time — communicative, informational, official in the broadest sense of the term, including both private and private-public spheres — are revealed. The data obtained made it possible to more accurately assess the psycho-social characteristics of Russian society, the status of individual strata in the social hierarchy, the degree of intensity of internal relations and horizontal integrative trends in Russia in the Early Modern period.

Keywords: *Communications, information, management, society, patrimony, family, literacy, office work, economy.*

Со времени создания письменности переписка стала одним из главных средств взаимодействия между членами социума в любых областях деятельности — экономической, политической, культурной, бытовой. В свою очередь, характер переписки, ее масштаб, содержание, социальный состав корреспондентов становятся “зеркалом” общества, раскрывают существенные его черты так, как это не может сделать ни один другой источник.

Есть и еще одна сторона в исследовании частной корреспонденции — последняя представляет собой не только вид исторического источника, но и самостоятельное социальное явление, игравшее в жизни общества особую роль. Эта сторона в изучении русской частной переписки XVII века оказалась наименее затронутой в российских исторических исследованиях, и совсем отсутствует в зарубежных. Я хотела бы в общих чертах охарактеризовать это явление.

Очевидно, что такой яркий и значимый источник, как частная переписка XVII века, не мог не привлекать к себе внимания исследователей. Какова же картина русской историографии частной корреспонденции XVII века? Как давно началась ее публикация и насколько пол-

но исследован и сам эпистолярный корпус, и корреспонденция как социальный феномен русской жизни XVII столетия?

За прошедшие больше чем полтора века публикации и изучения русская частная переписка XVII в. представлена в отечественной историографии более публикациями, чем исследованиями. Если же говорить о последних, то основной упор в исторических трудах делался на использование материалов частной корреспонденции XVII в. для изучения экономических и отчасти социальных проблем отдельных хозяйств (вотчинных или собственно торгово-предпринимательских); в немногочисленных исторических работах последнего времени рассматривались частные аспекты личной переписки как общественного феномена.

Между тем, и работы зарубежных исследователей, и общий анализ корпуса российских эпистолярных материалов XVII века [1, с. 201-218] показывают, что заключенная в этом источнике информация позволяет оценить частную переписку указанного времени как отдельное социальное явление.

Ввиду специфики бытования эпистолярной культуры в России XVII века к частной переписке мож-

но отнести всю корреспонденцию, не выходящую из государственных структур с соответствующим протокольным оформлением и не являющуюся государственными делопроизводственными документами.

Изучение русской частной переписки XVII века показало, что в нее были включены все сословные группы, при этом корреспондентские связи существовали как внутри сословий, так и между ними. Наибольшую сословную замкнутость в письменных связях являют почти диаметрально противоположные социальные группы — думные чины и посад. Самый широкий круг корреспондентов в отношении социального положения был у “среднего класса” русского общества XVII века — московских и городских служилых людей, в том числе у приказных. В случае корреспондентских связей между представителями разных сословных групп основное движение “эпистолярного потока” шло снизу вверх — писать нижестоящему, очевидно, считалось “нечестным”.

Таким образом, русская частная переписка XVII века отражала как сословное разделение общества, так и, одновременно, переплетение социальных страт в реальной жизни, тесное содействие сословий во взаимопроникновении их интересов. При этом корреспонденция демонстрирует наличие в социуме своего рода “среднего слоя”, аккумулировавшего в себе большую часть информационных потоков, исходивших с разных “полюсов” общества — это служилые люди по отчеству московских и городских чинов. С другой стороны, сама переписка являлась и средством, и способом сообщения сослов-

ных групп, преодоления преград между ними, инструментом “стягивания” этих групп в единое социальное целое.

География русской частной переписки XVII в. была очень широкой, охватывая всю территорию страны. Естественно, центром, куда сходились многие “линии” корреспонденции, была Москва. Письма добирались до самых отдаленных от Москвы городов и глухих сел, в том числе сибирских, а оттуда в столицу [2, с. 16-31].

Разумеется, корреспонденция существовала не только между Москвой и провинцией, но и в провинции между разными уездами и городами [3, с. 19-20].

Наиболее интенсивной была переписка между людьми, жившими недалеко друг от друга, в соседних или близких уездах, но почти столь же часто письма соединяли города и уезды, находившиеся на расстоянии сотен и даже тысяч верст, от северо-западных городов и уездов до сибирских [4, с. 123].

Наконец, переписка велась и внутри уезда, между его центром и селами, между разными вотчинами. Таким образом поддерживались родственные, приятельские, служебные связи.

В течение XVII века в России произошло расширение сетей эпистолярного общения и рост числа корреспондентов (что было обусловлено во многом распространением бумаги и ее относительной дешевизной). Это явление стало характерной чертой России указанной эпохи, как и Европы раннего Нового времени. Колонизация Сибири и присоединение западных и южных областей, основание

там новых крепостей и распространение административных структур русского государства на юг, запад и восток в течение XVII века стимулировали и расширение частной переписки на больших территориях государства, помогая сохранению семейных, родственных, приятельских и, в целом, государственных связей. Указанные обстоятельства также активизировали увеличение корреспондентских связей средних слоев общества — служилых людей московских чинов и родовых, которые преимущественно несли службу в отдаленных регионах, и представителей торгово-промышленных кругов.

Способы пересылки частных писем во многом зависели от сословной принадлежности корреспондентов. Самым широким выбором возможностей обладали представители служилых людей по отечеству и духовные феодалы, монастыри, которые могли рекрутировать курьеров из крепостных крестьян и холопов и имели средства оплатить им дорожные расходы [3, с. 19-41, 48, 50, 53, 68, 77, 80, 87, 90 и др.; 4, с. 299-301, 303-304; 5, с. 46, 142, 423, 426 и др.; 6, с. 6, 8-23, 26 и др.]. Таким образом, значительная часть частной переписки пересылалась с крепостными крестьянами, из чего можно заключить, что это сословие или, по крайней мере, значительная его доля, была весьма мобильной частью населения, почти не уступающей в этом отношении другим социальным группам в России XVII века. В то же время, землевладельцы для пересылки корреспонденции широко использовали оказию. При этом чем выше чином был отправитель, тем более широким был перечень чинов,

представители которых могли быть привлечены им как агенты корреспондентской связи [8, с. 62-63].

В наибольшей степени оказией пользовались представители непривлеклированных слоев — гости, промышленники, посадские люди, не имевшие зависимых людей [8, с. 74-76; 9, с. 329-334, 337-342, 344-345, 349].

Почтовые отправления частных писем даже среди служилых по отечеству до конца XVII века были скорее исключением, чем правилом, причиной чего была не только неразвитость почтовой системы, но и преимущество частного способа пересылки, который в большей степени гарантировал конфиденциальность переписки [3, с. 67; 4, с. 158]. Скорость движения корреспонденции в России XVII века вычислять затруднительно, так как она зависела от слишком многих показателей (наличия датировки и адресатов грамоток, трассировки дорог, времени года, способа передвижения курьера и т.п.). Тем не менее, имеющиеся сведения дают следующую картину.

Русская переписка XVII века преодолевала расстояния, сопоставимые с теми, что проходили письма в международной европейской корреспонденции (до 3500 тыс. км). Разница, однако, состояла в том, что это была переписка родственная, повседневная, охватывавшая не узкий круг просвещенных людей, составлявших основной корпус корреспондентов *Respublica literaria*, или торговых агентов, а широкие социальные слои, практически все, включая крепостных крестьян. Кроме того, трудности пересылки усугублялись тяжелыми климатическими услови-

ями, плохими дорогами, зачастую и вовсе их отсутствием. Обычной скоростью движения писем, которые везли курьеры на подводах, составляла 25-35 км в день для дальнего путешествия. Если путь был относительно недолог (около 200 км), а населенные пункты находились в центральной части страны, где дорожная сеть была более развита, скорость сообщения между корреспондентами была выше — около 45-50 км в день.

Естественно, быстрее двигались специальные курьеры — ямщики или служилые люди разных чинов, специально отправленные с корреспонденцией. Скорость правительственных курьеров отличалась, очевидно, в зависимости от того, сколь срочным было поручение. Обычно специальные посыльные проезжали по 55-60 км в день, меняя лошадей на ямах. Если же курьер отправлялся со срочным поручением, скорость его движения могла составлять от 90 до 125 км в день. Что касается скорости движения по водным путям, то она соответствовала средней скорости течения рек [4, с. 261-264; 5, с. 636-640, 644-645; 10, с. 195-196].

Несмотря на фрагментарность дошедшего до нас корпуса частной корреспонденции и отсутствие в подавляющей части писем датировки, имеющиеся в нашем распоряжении комплексы писем, которые дошли до нас в относительной полноте и имеют датировку, позволяют сделать вывод о весьма интенсивной письменной коммуникации в России XVII века.

Поскольку частота переписки напрямую зависела от возможностей корреспондентов переправлять письма, то наиболее интенсивную корре-

спонденцию вели представители привилегированных слоев общества. Члены семей думных чинов могли позволить себе ежедневную отправку писем; представители служилого сословия средних чинов — от одного-двух раз в неделю до одного-двух раз в месяц. Обычно более частой была деловая переписка служилых людей с вотчинной и поместной администрацией, реже писали родственникам и друзьям. Столь же напряженной, как у частных землевладельцев, была деловая переписка корпоративных вотчинников — монастырей, а также посадских людей с их посылщиками [2, с. 21-31; 4, с. 239-260, 265, 266, 277, 278, 279, 280].

Интенсивность переписки в среде торгово-промышленных людей, по всей видимости, зависела прежде всего от размера предприятия. Приказчики наиболее крупных, многофункциональных промыслов писали своим хозяевам обычно каждую неделю, приказчики меньших — один-два раза в месяц [4, с. 222-231, 232, 233, 234-235, 240-241; 8, с. 342-360].

Можно сказать, что в России XVII века переписка (и официальная, и частная) пронизывала все социальные структуры и была инструментом, использовавшимся во всех сферах жизни. Письма были ключевым средством управления — от государства до вотчины; они были неотъемлемой частью в ведении разного рода дел (предпринимательство, торговля), обеспечивали выход религиозным чувствам, способствовали осуществлению личных, семейных, социальных связей.

Очевидной и традиционной функцией частной переписки в России XVII века была коммуникационная.

При этом значительную часть такой переписки составляла переписка фатическая, которая велась с единственной целью сохранения и поддержания единства одной из составных частей тогдашнего русского общества — семейного, дружеского, приятельского, кланового, соседского, делового кругов. Письмо как таковое, имело самостоятельное значение, столь же важное, как и его содержание. На первый взгляд, фатические письма очень формальны. Они по большей части ограничивались устоявшимися по форме вводной частью (в которой с большей или меньшей витиеватостью приветствовали адресата), просьбой непременно писать о себе и очень кратким сообщением о своем благополучном или неблагополучном житье, вернее даже, о факте своего бытия. Подобные послания, понятно, отправляли друг другу только люди близкие — родственники, друзья [2, с. 22; 11, с. 450].

Все части фатического письма играли важную роль. В обращении и в представлении себя отображалось место отправителя и адресата в социальной иерархии. Письмо, написанное в соответствии с формуляром, было выражением вежливости, учтивости, в которых проявлялись правила общественного взаимодействия. Учтивость, любезность были одними из центральных ценностей эпохи, поскольку также поддерживали существовавшую жесткую иерархию — и социальную, и семейную. Именно в связи с последним обстоятельством в грамотках скрупулезно перечисляли всех членов семьи, от имени которых или которым письмо было написано [9, с. 113-114]. Эпистолярные материалы такого рода — коммуни-

кационного «в чистом виде» — являются особенностью указанной эпохи. В другие периоды подобного рода корреспонденция встречается реже или совсем выходит из оборота.

С подобным отношением к письму было тесно связано и восприятие его как дара отправителя адресату, призванного показать ценность отношений между корреспондентами, необходимость поддерживать связь (семейную, дружескую и т.п.) и далее. В этом отношении корреспонденция в России XVII в. проявляла те же социокультурные черты, что и в европейских и части азиатских стран раннего Нового времени.

В связи с коммуникативной функцией переписки следует затронуть вопрос о том, кто был, так сказать, непосредственным исполнителем переписки. И здесь надо отметить одну особенность русской корреспонденции XVII в. — для представителей служилого сословия писать письма собственноручно, даже при том, что человек был грамотен, было отнюдь не обязательно и даже, можно сказать, не приветствовалось. Для этого существовало специальная категория не просто грамотных, а именно пишущих людей — приказные и священнослужители низших категорий. Тем не менее, и представители служилого сословия сами брались за перо, что обычно специально оговаривалось. Собственноручное написание письма воспринималось как знак особого расположения или почтения [12, с. 94; 13, с. 156-157].

Наличие обширных, интенсивных, разветвленных и устойчивых связей, которые отражались в переписке, их большая ценность для корреспондентов, свидетельствуют о

том, что включенность людей XVII в. в России в определенные социальные сети рассматривалась ими как один из важнейших параметров общественного капитала, которым обладал человек.

В XVII веке, как и в другие эпохи, одной из главных функций переписки была информационная. Однако при том, что в указанный период жизнь практически всех представителей русского общества отличалась высокой мобильностью, люди часто подолгу не видели друг друга, информационная функция переписки приобретала особое значение, являясь единственным каналом передачи новостей самого разного характера — от семейных до международных [4, с. 10, 18, 86 и др.; 14, с. 309; 15; с. 42]. Таким образом переписка полностью удовлетворяла потребность общества в необходимой информации, заменяя собой газеты. При отсутствии цензуры, а также при возможности передать со своими курьерами некоторые, наиболее неудобные для обнаружения сведения на словах, частная корреспонденция предоставляла обществу точную и для своего времени оперативную информацию о происходящем в стране.

Важной функцией переписки была служебная в самом широком смысле слова. Так, посредством переписки договаривались о продаже, покупке земель или городских дворов или обмене ими, о сдаче внаем жилья, по покупке разного рода товаров, о даче и получении денежных займов [16, с. 79; 17, с. 59].

Высокая мобильность населения, оторванность владельцев от своих хозяйств делали переписку важнейшим инструментом сохранения админи-

стративных, экономических связей между хозяином и его владением, и, в то же время, единственным способом существования и функционирования такой экономики. В значительной степени необходимость в управлении хозяйством посредством переписки с управляющими испытывали служилые люди по отчеству: они были чаще представителей других сословий оторваны от своих владений и, кроме того, значительная доля служилых людей обладала несколькими владениями в разных уездах [3, с. 214; 5, с. 593-594; 18, с. 32]. Таким образом, в режиме постоянного действия шло управление вотчинами на расстоянии по переписке по всей стране. Нет нужды доказывать, что переписка служила главным инструментом в управлении делами торговых и промышленных людей.

Те же обстоятельства, которые заставляли служилых людей XVII века вести хозяйственные дела по переписке, способствовали и ведению с помощью писем дел судебных. Во многих случаях переписка, в сущности, являлась одной из форм ведения судебных дел.

Частная переписка являлась составной частью и, можно сказать, одним из важнейших инструментов военной и административной деятельности служилых людей по отчеству [3, с. 25; 48, 85, 91; 19, с. 45, 71-72, 125; 20, с. 8-9; 21, с. 228-229]. Неформальная корреспонденция, несмотря на высокую оперативность приказного делопроизводства, еще более ускоряла, а, главное, упрощала передачу информации. Частное письмо, не подменяя отписки, содержало более подробные сведения о том же деле и, кроме того, объясняло

некоторые особенности уже отправленного тому же адресату официального документа.

Фактор размера территории очевидно оказывает влияние на интенсивность и тип связей между людьми даже при условии их (связей) значительного развития и многообразия. При отсутствии других средств связи в России XVII в. переписка являлась по существу единственным видом опосредованной коммуникации (за исключением устных посланий, переданных через курьеров). Парадоксальным, казалось бы, образом, развитию ее в стране способствовали огромность территории, малая плотность расселения, а также высокая мобильность людей, в первую очередь представителей служилого и торгово-промышленного сословий. Затрудненность личных контактов родственников, друзей, знакомых и коллег заставляла их поддерживать связь через переписку. Страна и в европейской части, и в Сибири, и внутри областей, несмотря на огромную протяженность, была крепко «стянута» этими постоянными, интенсивными информационными потоками, включавшими также товарную и денежную составляющие. Кроме того, родственники, друзья, соседи, ведя хозяйственные, судебные и даже служебные дела, часто просили друг друга переслать необходимые документы, которые, таким образом, становились устойчивой составной частью переписки и, можно сказать, постоянно циркулировали по стране вместе с личной корреспонденцией. Большая же часть пересылаемых служилыми людьми частно-правовых документов, естественно, имела отношение к делам, связанным с

владением земель и крестьянами [3, с. 121; 4, с. 52-53; 22, с. 92]. В не меньшей степени пересылка друг другу различных документов была свойственна и другим сословиям. В постоянный «документооборот», связанный с поместными и вотчинными делами, были вовлечены не только землевладельцы и их приказчики, но и вотчинные крестьяне [2, с. 15; 3, с. 177; 23, с. 117-118]. Представители крестьянских выборных органов самоуправления вели свою отчетность по сборам и налогам, владельческим и государственным, которые выплачивали члены общины, и нередко им требовались документы для разрешения спорных дел с разными инстанциями. В постоянный «документооборот», связанный с поместными и вотчинными делами, были вовлечены не только землевладельцы и их приказчики, но и вотчинные крестьяне. Представители крестьянских выборных органов самоуправления вели свою отчетность по сборам и налогам, владельческим и государственным, которые выплачивали члены общины, и нередко им требовались документы для разрешения спорных дел с разными инстанциями [6, с. 187-191]. Помимо просьб о пересылке друг другу имеющихся документов, с помощью корреспонденции заинтересованные стороны решали, как именно составить тот или иной документ, кому лучше адресовать, в какой приказ подать. Черновики отсылались на сверку и одобрение, возвращались для переписывания на бело [4, с. 30; 14, с. 309].

В частных письмах служилых людей XVII века нашла отражение характерная особенность их мировосприятия: и власть, и общество

воспринимали службу как образ жизни служилого человека, когда служба и частная жизнь почти не отделены друг от друга: вся жизнь являла собой непрерывную службу на разных государственных поприщах, а служба становилась личным и семейным делом со всеми ее атрибутами и обстоятельствами. Такое отношение общества к службе имело разные последствия, в числе прочих — глубокую вовлеченность членов семей в дела их близких; речь идет и о военной, и об административной службе. В свою очередь, одной из форм проявления этой специфики менталитета служилого общества стала частная переписка. Следствием такого понимания службы стало то, что служилые люди как бы приватизировали ее, рассматривая как личную деятельность, хотя и по указу государя. Отсюда проистекало и отношение к государственным, официальным документам как к своим собственным, личным, что никоим образом не умаляло их важности, веса в глазах служилых людей. Вполне обычным явлением в среде служилых людей, исполняющих государственное поручение в провинции, было отправить официальное донесение, предназначенное для соответствующего приказа, сначала родственникам или знакомым для того, чтобы они отредактировали его, а затем доставили по адресу [22, с. 52]. Кроме того, в таких случаях отчетный документ приносил в приказ «свой» человек и, очевидно, сопровождал его нужными разъяснениями или просьбами, обеспечивая делу продвижение (что отнюдь не всегда подразумевало нарушение закона). При том, что общество четко раз-

граничивало частное письмо и официальный документ, последний воспринимался не как нечто непубличное и тем более сакральное, а даже как личное. Власти, находившиеся в той же системе ценностей, что и служилое сословие, легально использовали семейно-служебные связи. Государственные документы доверялись для отправки «народной почтой» — частным лицам не только из привилегированного сословия, но и податным, вплоть до крепостных [7, с. 182; 5, с. 365].

Столь всеобъемлющий характер бытования частной переписки XVII века в совокупности со спецификой менталитета служилого сословия определил особенность отечественной корреспонденции: устойчивой составной ее частью являлись не только частно-правовые, но и публично-правовые, государственные акты, что демонстрирует вовлеченность как частной жизни в государственную, так и государственной в частную.

Интенсивность письменных связей, естественно, демонстрирует общий характер отношений между людьми в России XVII века. Содержание же писем показывает, что корреспонденция являлась не только средством поддержать отношения того или иного круга, но и была действенным инструментом социального (в том числе психологического) и, главным образом, экономического содействия, помогая решать различные житейские проблемы: от сочувствия в несчастье до возможности взять займы деньги, продукты, помочь с хозяйством, с устройством на службу и т.п. Дружба и родственные чувства для русского человека XVII

века (как и для его современников в Европе) должны были выражаться вполне материально.

В результате корреспонденция в России XVII в. являлась не только необходимым способом, но одной из важнейших форм осуществления социумом всех его функций — установления и сохранения семейных и дружеских связей, финансовых, экономических, юридических и государственно-административных. Без управления хозяйствами по переписке служилое сословие не имело бы возможности осуществлять свои государственные обязанности — военные, административные, что делает частную корреспонденцию служилых людей одним из опосредованных способов функционирования государственных структур. Таким образом, частная переписка в России XVII в. являла собой, через установление огромного числа горизонтальных и вертикальных связей, способ самоорганизации общества, что, учитывая специфику восприятия служилым сословием государственной службы, указывает на высокий потенциал общества и его способность создать равновесие между собой и государством.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Новохатко, О.В.* Очерки историографии частной корреспонденции XVII в. [Текст] / О.В. Новохатко // *Российская история*. — 2 (март – апрель). — Российская Академия наук, 2017. — 234 с.
2. *Московская деловая и бытовая письменность XVII века* [Текст]. — М.: Наука, 1968. — 342 с.
3. *Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века* [Текст]. — М.: Наука, 1964. — 312 с.
4. *Грамотки XVII – начала XVIII века* [Текст]. — М.: Наука, 1969. — 415 с.
5. *Архив стольника Андрея Ильича Безобразова*. — Ч. I. — М., 2012. — 906 с.
6. *Архив стольника Андрея Ильича Безобразова*. — Ч. II. — М., 2013. — 877 с.
7. *Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова*. — Ч. II. — М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1945. — 211 с.
8. *Архив гостей Панкратьевых XVII – начала XVIII в.* — Т. 1. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 392 с.
9. *Сборник князя Хилкова*. — СПб.: Тип. Братьев Пантелеевых, 1879. — 603 с.
10. “Что своему брату учинишь, такожде и сам примешь”: *Грамотки и челобитные красноярскому воеводе С.И. Дурново. 1696–1698 гг.* // *Исторический архив*. — АИА. — 1993. — № 5. — 227 с.
11. *О начале войн и смут в Московии*. — М.: Фонд Сергея Дубова Рита, 1997. — 560 с.
12. *Ближний боярин кн. Никита Иванович Одоевской и его переписка с галицкой вотчиной (1650–1684)* // *Чтения ОИДР*. — Кн. II. — М.: Университетская типография, 1903. — 876 с.
13. *Штюккер-Брелёр М.* Вотчинные материалы из архива П.Д. и И.Д. Пожарских // *Источники по истории русского языка XI–XVII вв.* — 1991. — М.: Наука, 1991. — 198 с.
14. *Тарабасова, Н.И.* Частные письма из Мурзихинского архива // *Восточнославянские языки: источники для их изучения*. — М.: Наука, 1973. — 312 с.
15. *Ярославский архив дворян Викентьевых XVII века*. — Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1989. — 94 с.
16. *Роман Вилимович в гостях у Петра Игнатьевича: псковский архив английского купца 1680-х годов*. — М.: Индрик, 2009. — 176 с.
17. *Демидова, Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). *Биографический справочник*. — М.: Памятники исторической мысли, 2011. — 720 с.
18. *Петрикеев, Д.И.* Крупное крепостное хозяйство XVII в. По материалам вотчины боярина Б.И. Морозова. — Л.: Наука, 1967. — 229 с.

19. Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников // *Старина и новизна. Исторический сборник, издаваемый при Обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III.* — Кн. 10. — СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1905. — 590 с.
20. Частные грамотки к донковскому воеводе Наз. Ив. Темирязеву (XVII ст.). — Б/г, б/м. — 11 с.
21. *Оглоблин, Н.Н.* Бытовые черты XVII века // *Русская старина.* СПб.: Типография «общественная польза», 1894. — № 3. — 784 с.
22. Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. — М.: Наука, 1965. — 162 с.
23. Письмо из Москвы архиепископа Вологодского и Белозерского Симона в Вологду в архиерейский дом от 17 марта 1674 года о разны делах // *Русская старина.* — СПб.: Типография П. Усова, 1915. — № 7. — 582 с.
7. *Chastnyye gramotki k donkovskomu vovevode Naz. Iv. Temiryazevu (XVII st.),* 11 p. (in Russian)
8. “Chto svoeyemu bratu uchinish. takozhde i sam priimesh”: *Gramotki i chelobitnyye krasnoyarskomu vovevode S.I. Durnovo.* 1696-1698 gg., *Istoricheskiy arkhiv, AIA,* 1993, No. 5, 227 p. (in Russian)
9. Demidova N.F., “Sluzhilaya byurokratiya v Rossii XVII veka (1625–1700)”, in: *Biograficheskiy spravochnik,* Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2011, 720 p. (in Russian)
10. *Gramotki XVII – nachala XVIII veka,* Moscow, Nauka, 1969, 415 p. (in Russian)
11. *Istochniki po istorii russkogo narodno-razgovornogo yazyka XVII – nachala XVIII veka,* Moscow, Nauka, 1964, 312 p. (in Russian)
12. *Moskovskaya delovaya i bytovaya pismennost XVII veka,* Moscow, Nauka, 1968, 342 p. (in Russian)
13. Novokhatko O.V., *Ocherki istoriografii chastnoy korrespondentsii XVII v., Rossiyskaya istoriya, 2 (mart – aprel),* Rossiyskaya Akademiya nauk, 2017, 234 p. (in Russian)
14. *O nachale voyn i smut v Moskovii,* Moscow, Fond Sergeya Dubova Rita, Print, 1997, 560 p. (in Russian)
15. Oглоблин N.N., *Bytovyye cherty XVII veka, Russkaya starina, Sankt-Petesburg, Tipografiya “obshchestvennaya polza”,* 1894, No. 3, 784 p. (in Russian)
16. *Pamyatniki russkogo narodno-razgovornogo yazyka XVII stoletiya,* Moscow, Nauka, 1965, 162 p. (in Russian)
17. Petrikeyev D.I., *Krupnoye krepostnoye khozyaystvo XVII v. Po materialam votchiny boyarina B.I. Morozova,* Leningrad, Nauka, 1967, 229 p. (in Russian)
18. Pismo iz Moskvy arkhiepiskopa Vologodskogo i Belozerskogo Simona v Vologdu v arkhiyereyskiy dom ot 17 marta 1674 goda o razny delakh, *Russkaya starina, Sankt-Petersburg, Tipografiya P. Usova,* 1915, No. 7. (in Russian)
19. *Roman Vilimovich v gostyakh u Petra Ignatyevicha: pskovskiy arkhiv angliyskogo kuptsa 1680-kh godov,* Moscow, Indrik, 2009, 176 p. (in Russian)
20. *Sbornik knyazya Khilkova,* Spb., Tip. Brat'yev Panteleyevykh, 1879, 603 p. (in Russian)

REFERENCES

1. *Akty khozyaystva boyarina B.I. Morozova,* Ch. II, Moscow, Leningrad, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1945, 211 p. (in Russian)
2. *Arkhiv gostey Pankratyevykh XVII, nachala XVIII v.,* T. 1, Moscow, Editorial URSS, 2001, 392 p. (in Russian)
3. *Arkhiv stolnika Andrey a Ilich a Bezobrazova,* Ch. I., Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2012, 906 p. (in Russian)
4. *Arkhiv stolnika Andrey a Ilich a Bezobrazova,* Ch. II, Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2013, 877 p. (in Russian)
5. “Blizhniy boyarin kn. Nikita Ivanovich Odoyevskoy i ego perepiska s galitskoy votchinoy (1650–1684)”, in: *Chteniya O IDR,* Kn. II, Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1903, 876 p. (in Russian)
6. “Chastnaya perepiska knyazya Petra Ivanovich a Khovanskogo, ego semi i rodstvennikov”, in: *Starina i novizna. Istoricheskiy sbornik. izdavayemyy pri Obshchestve revniteley russkogo istoricheskogo prosveshcheniya v pamyat imperatora Aleksandra III,* Kn. 10, Sankt-Petersburg, Tipografiya Moscow, Stasyulevicha, 1905, 590 p. (in Russian)

21. Shmyukker-Breler M., "Votchinnyye materialy iz arkhiva P.D. i I.D. Pozharskikh", in: *Istochniki po istorii russkogo yazyka XI-XVII vv.*, 1991, Moscow, Nauka, 1991, 198 p. (in Russian)
22. Tarabasova. N.I., "Chastnyye pisma iz Murzikhinskogo arkhiva", in: *Vostochno-slavyanskiye yazyki: istochniki dlya ikh izucheniya*, Moscow, Nauka, 1973, 312 p. (in Russian)
23. *Yaroslavskiy arkhiv dvoryan Vikentyevykh XVII veka*, Yaroslavl, Verkhne-Volzhskeye knizhnoye izdatelstvo, 1989, 94 p. (in Russian)
-

Новохатко Ольга Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр истории русского феодализма, Институт российской истории, Российская академия наук, 1808845@mail.ru

Novokhatko O.V., ScD in History, Chief Researcher, Center for the History of Russian Feudalism, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, 1808845@mail.ru